

ОГЛАВЛЕНИЕ

СИМОН.....	7
ПРОЕКТ «КОЛОНИЯ». КАШНИКИ	95
Варяг	95
Кашники	110
ДРУГАЯ ЖИЗНЬ.....	195
РАСПЛАТА.....	322
Людвиг	331
Симон.....	335
Клён.....	338
ЭПИЛОГ.....	347

Доброго времени суток, мой дорогой читатель!

Представляю на ваш строгий суд очередное своё творение. Позвольте сразу внести ясность: все описанные события — плод моей фантазии. Герои мои — собирательные образы, не имеющие реальных прототипов. Привязка к конкретным датам и местам также является вымыслом, призванным лишь усилить ощущение правдоподобия моих историй, которые никак не связаны с реальными событиями.

Порой я намеренно усиливаю эмоциональный накал, чтобы последующие сюжеты глубже отпечатались в вашем воображении. Моя цель — не дискредитировать кого-либо и не порочить чьё-либо имя. Все совпадения — исключительно случайны.

Желаю вам приятного погружения в мир моих вымышленных историй и рассказов. Надеюсь, они найдут отклик в вашей душе. Благодарю за внимание и понимание.

Олег Алтайский.

Все события и герои вымышленные

СИМОН

Лето 2023 года. Серый тюремный коридор давил затхлостью и безысходностью. Тусклый свет лампочек, заключённых в решётки, словно и сам свет был преступником, едва пробивал мрак. Гулко топая, по металлическому полу шли два человека: арестованный и его конвоир. Их шаги, словно тиканье огромных невидимых часов, отсчитывали первые секунды нового периода жизни конвоируемого, падения в пропасть, в неизвестность, в мир, где он больше не принадлежал себе. И были рутинным привычным ритуалом для конвойного, год за годом ходившего одним и тем же маршрутом, словно секундная стрелка тех самых невидимых часов.

Арестованного звали Александр. Он был самым простым человеком: среднего роста, среднего возраста и среднего телосложения. Вроде бы золотая середина. Но судьба сыграла с ним злую и жестокую шутку. После увольнения в запас его преследовали неудачи, он, как магнит, притягивал к себе неприятности. Работа ускользала из рук, словно песок сквозь пальцы. Никто не хотел брать его даже грузчиком, словно на нём стояла невидимая печать отверженного. Словно кто-то всемогущий поставил на нём крест и внёс в чёрный список. И вот, последняя, роковая ошибка — тюремная камера. Пьяная ссора, вспышка гнева, удар ножом... Так он думал тогда.

Все надежды, все планы, которые ещё вчера казались такими близкими, рухнули в одно мгновение. Ещё вчера он говорил по телефону с боевыми товарищами, обсуждая их совместную поездку в зону СВО, где они могли бы применить свои навыки и опыт. Эта идея дала ему глоток свежего воздуха, надежду на будущее. И он решил отметить это...

Теперь, угрюмо переставляя ноги по этому проклятому коридору, Александр чувствовал лишь пустоту. Он смирился со своей участью, словно лодка, безвольно плывущая по течению бурной реки, несущей её к водопаду. Жизнь, казалось, прошла мимо, не оставив после себя ничего, кроме горечи и разочарования. Так и не успев толком начаться на гражданке, она вот-вот окончательно оборвётся. Он раскаивался, но раскаяние не могло вернуть прошлое, не могло исправить содеянное. Плёнку жизни назад не отмотать. Грубый голос конвоира вывел его из задумчивости.

— Стой! Лицом к стене.

Александр вздрогнул от неожиданности и остановился. Повернулся к шершавой стене коридора, покрашенной грязно-зелёной краской. Громко, бряцая ключами, охранник открыл дверь камеры и произнёс:

— Пошёл вперёд!

Из глубины полутемного помещения кто-то недовольно заметил:

— Глянь, братва, ещё одного сидельца мусора нам подогнали.

Другой голос обратился к конвойному:

— Слышь, вертухай, вы чё там вообще, все ноты попутали? У нас тут и так дышать нечем, а вы суёте и суёте страдальцев, как сельдь в бочку. Вам чё, хата — трамвай, в натуре?

Охранник самодовольно крякнул, помотал головой и сказал:

— Не нравится хата, меняй окраску, сменим тебе и пропуску. В петушиной камере попросторнее.

Весело произнося эти слова, он грубо протолкнул Александра в глубь камеры и с металлическим грохотом захлопнул за ним дверь. Парень непроизвольно оглянулся и в нерешительности застыл у двери. На него смотрело около двух десятков пар любопытных глаз. Угрюмая камера встретила его кисло-тошнотворным запахом давно

не проветриваемого помещения и грязных, давно не мытых тел. На одной из кроватей, кряхтя, сел пожилой мужчина и, почесывая татуированную грудь, спросил:

— Ну и чё, так и будем в молчанку играть, или ты у нас немой?

Александр понимал, что от него чего-то все ждут, что ему необходимо что-то сказать, но он не имел ни малейшего понятия, что именно он должен произнести в данной ситуации. Переминаясь с ноги на ногу, он нелепо кивнул головой и тихо произнёс:

— Здравсьте.

Камера содрогнулась от взрыва хохота. Пожилой криво усмехнулся и, посмотрев по сторонам, стал тихо говорить. В камере тут же установилась тишина.

— Ну хоть воспитанный и то ладно. Уже неплохо. Сам-то ты кто?

— Я Саша.

Вся камера снова дружно заржала.

Пожилой поднялся со шконки* и, с ухмылкой глядя на Александра, подошел к дубку**. Ему тут же уступили место. Он сел и, с любопытством разглядывая новенького, сказал:

— А я Юрий Семёнович. Смотрящий за этой хатой. По жизни-то ты кто, Саша?

Александр не понимал, о чём идет речь, и, глупо глядя по сторонам, не знал, что ему отвечать. К пожилому подошёл его товарищ и менее дружелюбным голосом спросил:

— Ты чё молчишь, фуцын? Уснул, что ли?

Пожилой жестом остановил своего приятеля и продолжил расспросы:

— Ты тут первый раз что ли?

Александр утвердительно кивнул.

* Кровать.

** Стол.

— Первый.

— Понятно, первоход значит. По какой статье тебя менты приняли?

— Сто пятая, пункт первый.

Все арестанты удивлённо загалдели. Товарищ пожилого ехидно переспросил:

— По сто пятой? Ничё не путаешь? Кого ты, фуцыняра, пришить умудрился? Старушку, что ли, на базаре?

Александр уже открыл рот, чтобы ответить, но пожилой перебил его, обращаясь к своему товарищу:

— Ты чё, Слива, определялово тут фраеру устроил, отвали от фуцына.

Его товарищ мигом сменил тон и стал оправдываться:

— Не обессудь, Семёныч, чё-то я в натуре перегнул малёхо.

— Иди, отдохни.

Пожилой снова повернулся к Александру и продолжил разговор с ним.

— Ты тут пассажир новый, в теме не сечёшь, так что пока не вникнешь, никуда не лезь и лишнее не базарь. За свою делюгу, пока суд приговор не объявит, базарить не принято. А лучше вообще молчи. Целее будешь. Хата у нас правильная, беспредела тут нет. По-тихому курсанём тебя, что да как. Падай на шконку вон к тем фраерам, они тебе всё растолкуют. Дальше поглядим, кто ты и что ты.

Пожилой человек показал Александру, куда он может пройти. Александр подошёл к парням и присел на краешек кровати. Как в таких условиях люди сидят годами, невозможно даже представить. Но человек ко всему привыкает, и это правило ему объяснили очень быстро. С новыми знакомыми Александр сразу нашёл общий язык, и первое волнение отступило на задний план. Сердце снова заныло от пугающего будущего, и он, откинувшись на стену, закрыл глаза.

Так прошла его первая ночь в тюрьме. Под утро, когда пришла его очередь лечь во всю длину на нарах, ему даже

удалось на несколько часов уснуть и с блаженством почувствовать, как тело приятно расслабляется на мягком, грязном и вонючем матрасе.

Проснувшись, Александр вновь вспомнил о своих злоключениях, и тоска, как ржавый гвоздь, вонзилась в его сердце. Ему хотелось сбежать в уединённое место, где не было бы никого, где он мог бы в полном одиночестве выплеснуть свои чувства и закричать изо всех сил, изгоняя негативную энергию. Однако в переполненной тюремной камере это было совершенно невозможно. От бессилия он тихо застонал, и в этот момент на его плечо легла чья-то тяжёлая рука. Открыв глаза, Александр увидел перед собой с довольной улыбкой подручного Семёныча — Сливу.

— Пошли, фраер, тебя пахан зовёт. Перетереть кое-что надо.

Александр покорно встал и, подойдя к столу, сел на указанное место.

Семёныч отложил свежую газету «Советский спорт» в сторону и, указав на нее взглядом, произнёс:

— Ты, Саша, футбол любишь?

— Да не особо как-то, — пожав плечами, произнёс Александр.

— Вот и я не особо как-то. А знаешь, какое бабло они гребут? Да за такое бабло они рвать и метать должны перед нами, перед своими болельщиками! А они спят и видят, как за бугор свалить, от родной страны подальше. Сколько людям ни плати, а у всех одно и то же в итоге на уме. Верно я говорю?

— Я не знаю, наверное.

— Чё, хочешь сказать, тебе пару лимонов зелени прикарманить не в кайф было бы?

— Не знаю, я не думал об этом.

— Зря, подумай на досуге. Теперь у тебя есть время подумать.

Александр тяжело вздохнул и, соглашаясь, кивнул головой. Его собеседник взял паузу в разговоре. Он достал пачку сигарет и, закуривая, пристально следил за парнем. Александр, задумчиво покачиваясь, смотрел в одну точку. Он совершенно не понимал, куда клонит пожилой уголовник с разрисованным тюремными татуировками телом.

Пауза затягивалась. Выкуренная сигарета, смятая в грязной кружке, затухала, источая слабую струйку вонючего дыма, и казалось, что Семёныч уже совсем забыл, о чём хотел поговорить с ним.

Осторожно подняв глаза, Александр взглянул на своего собеседника. Пахан пронзил его своим колючим взглядом и, неожиданно улыбнувшись, произнес:

— Я тут за тебя перетёр кое с кем. Справочки навёл. Ты у нас, оказывается, в Чечне служил.

Ошарашенный осведомлённостью собеседника, Александр утвердительно кивнул головой. Семёныч продолжил:

— Прапорщиком, значит, был. Стреляешь хорошо. Подрывное дело знаешь.

Александр оторопел. Он не мог понять, откуда этот пожилой уголовник мог о нём всё так быстро узнать. Словно прочитав его мысли, пахан ухмыльнулся и продолжил:

— Ты, Саша, ничему не удивляйся тут. У нас связь лучше, чем на воле работает. Сам скоро всё поймёшь. Да, кстати, если хочешь, то можешь позвонить старушке маме, успокоить её, что у тебя всё ровно.

После этих слов Семёныч положил перед собой трубку мобильного телефона. Александр уставился на неё, словно на предмет из другой жизни, и, немного подумав, ответил:

— Нет, спасибо. Я не хочу, чтобы она волновалась. Она не знает, что я здесь.

— Это правильно. Молодец, стариков беречь надо. Только всё равно узнает рано или поздно. По мокрой статье срок долгий.

— Я пока не готов.

— Ну ничего. Кстати, а какая овца тебя мусорам слила?

— Я сам.

— Как так?

— Вот так. Пришёл домой, водки выпил, позвонил в полицию и сознался во всём.

Семёныч удивлённо посмотрел по сторонам и, обращаясь к своему товарищу, заметил:

— Ты видал, Слива? Народ сам на себя ментам семафорит. За них работу всю делает. Те сидят по кабинетам, булки мнут на стульях, звонка от бедолаг ждут.

Слива, криво ухмыльнувшись, замотал головой и, поддерживая разговор, произнёс:

— А что с него взять, он ведь сам погонник, форму таскает. Вот мусорам и помогает.

— Ладно тебе, не кипятись. Мент менту рознь. Одни по болотам и горам скачут, жизнью рискуют, а другие тут нас прессуют. Народ на рынках обирают и жиреют.

— Всё равно, кто погоны носит — свиньи все, а свиной на нож ставить надо.

Пропустив его последнюю реплику мимо ушей, Семёныч вновь обратился к Александру:

— Короче, Саша, такие дела. Если хочешь, чтобы мать-старушка сильно не волновалась, то можем помочь тебе соскочить отсюда.

— Как это? — Александр с трудом понимал услышанное.

— Да легко. У нас страна как жила по понятиям, а не по законам, так и живёт.

— А что от меня взамен требуется? — Настороженно поинтересовался Александр, чувствуя какой-то подвох, казалось бы, в фантастическом предложении.

— Молодец, соображаешь! Конечно, не за просто так мы тебе помогать собираемся. Нам на воле специалист твоей квалификации нужен. Мы помогаем тебе. Ты работаешь на нас, по своей военной специальности, за-

рабатываешь капусту нехилую и через пару-тройку выполненных заказов, как и наши футболисты, за бугор сваливаешь. Греешь пузо на лазурном берегу, ходишь настоящий футбол смотреть и не паришься особо ни по какому поводу.

Александр всё стало предельно ясно. Ему предложили стать киллером — заниматься тем, в чём он был мастером. Но теперь не в горах и не на стороне федералов, а по ту сторону баррикад. В конце концов, это была его профессия, и он умел делать только это.

По окончании контракта все его мечты о счастливой жизни на гражданке развеялись очень быстро. Вслед за мечтами так же быстро закончились и заработанные в командировках деньги. Не имея мирной профессии, Александр перебивался случайными заработками и незаметно для себя самого начал пить. Появились друзья-собутельники, одного из которых он и пырнул ножом во время недавней пьяной ссоры. Так он стал убийцей и оказался в тюрьме. Если ещё вчера ему было совершенно все равно, что с ним будет, и он готов был гнить в тюрьме до конца своих дней, то после всего одной ночи, проведённой в переполненной камере с кислым затхлым воздухом, наполненным запахами грязных потных тел и «ароматом», исходящим от туалетного очка, расположенного в углу закрытого помещения, к которому почти всегда была очередь, он был готов на всё ради только одного дня на свободе. Спустя всего одну ночь Александр стал думать совершенно по-другому.

Как бы читая его мысли, Семёныч пододвинул пачку сигарет и разрешил закурить. Александр несколько раз затянулся и, обернувшись, посмотрел на кровать, где он сидя провёл ночь. При мысли о том, что и все последующие ночи будут такими же, его бросало в холодный пот. Он ещё несколько раз глубоко затянулся и в первый раз посмотрел прямо в колючие глаза уголовного авторитета.

— Допустим, я согласен. Как вы меня вытащите отсюда?

— Ты за себя базарь, а за нас не парься. Если я сказал, что в два счёта спрыгнешь, значит, так и будет. У тебя есть отличный шанс в этом убедиться, и волю словить, и работу денежную найти, и меня на базар проверить.

Слива, сидящий рядом с паханом, кисло ухмыльнулся. Семёныч взглянул на него и попросил:

— Скажи пацанам, братуха, пусть чайку нам замутят.

Слива поднялся со скамейки и удалился, а Семёныч наклонился к Александру и зашептал:

— Ты же в Чечне был, против боевиков воевал. У нас с ними тоже рамс серьёзный в городе, какая тебе разница, где их валить? За работу двадцать штук зелёными получишь. Десятку сразу, а десятку потом. Эти черти с гор спустились, вообще нюх потеряли. С автоматами по городу за ними бегать смысла нет. Они тоже не пальцем деланные, их рвать надо.

Александр взял ещё одну сигарету и, закурив, спросил:

— Я могу немного подумать?

— Конечно, о чём базар. Дело-то серьёзное.

Семёныч выпрямился и произнёс так, чтобы могли слышать все окружающие:

— Занимай, Шурик, верхний шконарь над моей, нечего тебе с фраерами одну шконку на троих делить.

После его слов место под потолком мигом опустело, и Александр перенёс туда свой свернутый матрас. Потом он попил крепкого чая, предложенного Сливой, и, забравшись на верхнюю койку, с блаженством развалился. От крепкого чая сердце бешено колотилось в груди. Александр лежал на спине и, глядя в потолок, думал о предложенной ему работе и о своей жизни. Он думал о своих боевых друзьях, которые продолжают служить на Кавказе, и о том, что они, так же, как и он когда-то, закончат

свою службу, вернуться на гражданку и так же, как и он, столкнутся с совершенно другой жизнью. О том, что они совершенно не представляют, что жизнь на гражданке намного сложнее, что они в мирной жизни совершенно никому не нужны и найти своё место в новой жизни совершенно не так просто, как думалось там, сидя на блокпосте, держа на коленях безотказный автомат Калашникова. Он думал о том, что тут, на гражданке, никто не собирается делить с такими, как он, свое насиженное и тёплое хлебное место, и о том, что это место нужно отвоёвывать так же, как и там, с боем и сантиметр за сантиметром. Он уже понимал, что согласится на предложение авторитета, просто с ответом не торопился, дав себе в отсрочку ещё одну ночь, после которой он переступит черту, откуда обратной дороги у него уже не будет. Хотя он прекрасно понимал, что эту черту он уже и так переступил, именно в тот момент, когда его рука вонзила лезвие ножа в своего товарища-собутельника. Спрыгнув утром с верхней шконки, Александр подошёл к столу, за которым сидел Семёныч, и, наблюдая, как тот читает свежую прессу, стал ждать, когда на него обратят внимание.

Авторитет отложил газету и, посмотрев на выпавшего парня, жестом разрешил ему сесть. Александр сел напротив. Слива пододвинул ему железную кружку с крепким чаем и, криво улыбаясь, пристально посмотрел на него. Александр сделал несколько глотков горячего напитка и произнёс:

— Я подумал.

— Ну и? — спокойно спросил его авторитет, уже зная ответ по поведению собеседника.

— Мне только непонятно, как вы меня отсюда вытащите?

— Ты согласен? — вопросом на вопрос ответил Семёныч.

Александр прямым взглядом посмотрел на него и, кивнув головой, твёрдо произнес:

— Да. Согласен.

— Молодчик!

Настроение у уголовников заметно изменилось. Семёныч попросил Сливу организовать закуску и выпивку, чтобы отпраздновать своеобразное заключение контракта. Пусть и устного, но с серьёзными штрафными санкциями.

На столе появилась копчёная колбаса, белый хлеб и водка, перелитая в пластиковую тару из-под минералки.

Разлив жидкость по металлическим кружкам, мужчины негромко чокнулись и выпили. Отношение к Александру заметно изменилось. Слива, как старый приятель, весело о чём-то болтая, подливал в кружки водку и нарезал колбасу неизвестно откуда появившимся ножом. Александр быстро пьянел и уже не чувствовал давления камеры. Закурив, он наклонился к Семёнычу и снова задал вопрос:

— Как вы собираетесь меня отсюда вытаскивать?

Смотрящий за хатой, с загадочным видом, словно он фокусник, заговорщицки подмигнул и сказал:

— Смотри. — Он достал трубку мобильного, набрал номер и произнес:

— Привет. По нашей теме всё ровно. Заряжай лоера, пусть копытит, — выключив трубку, он спрятал её и, обращаясь к Александру, спокойно пояснил:

— Вот и усё. Процесс запущен. Теперь слушай меня внимательно. В твоём деле куча дыр. Менты тебя по твоему же звонку приняли. Правильно?

— Правильно.

— Ты был пьян. Так?

— Так.

— Спьяну мы всё что угодно наболтать можем. Верно?

— Верно.

— А менты на радостях тебя арестовали со всевозможными нарушениями.

— Как это?

— Да вот так. Жмурика на набережной нашли? Верно?

— Верно.

— А тебя дома повязали?

— Ага.

— Нож где?

— Выбросил в воду.

— У ментов его нет?

— Нет.

— Ты в этой одежде и обуви тогда был?

— Да.

— У тебя её не изъяли. Сейчас снимай свои чёботы и шмотьё, вон те говнодавы надень и спортивный костюм мой старый. А про своё шмотьё забудь!

— Ну и?

— Вот тебе и ну! Менты думают, что ты сладкий для них, и не парятся особо, считая, что ты в сознанке.

— Но ведь я уже всё написал им, как было?

— Туфта всё это. С похмельюги человек ещё и не такое подписать может. Вот ты и будешь давить на это. Сейчас типа отрезвел окончательно, мыслями собрался и понял, что ты не при делах. Что не твоя это непонятка. Что пусть настоящего мокрушника ищут. А наш адвокат эту канитель мигом оформит так, как надо. Ты, главное, теперь отказывайся от всего, что писал. Втирай им, что ты типа по пьяни белку словил. Мол, отошёл куда-то отлить, вернулся, а корефана твоего кто-то порешил за это время. Ты себя винить в его смерти стал. Типа, бросил его одного. Поэтому и оговорил себя. А протокол следак левый состряпал. Понял?

— Понял.

— Свидетелей нет, улики нет, орудия преступления нет. Вот пусть твой следак теперь и топает в отсосенский переулок. Ничего ему здесь не светит. А если пугать начнёт, включай дурака и пургу гони про свою Чечню. Вы ведь все там контуженые. Всё запомнил?

— Ага.